

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОЛОСОВ АВТОРА И ПЕРСОНАЖЕЙ В ПОВЕСТИ В. И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»

Статья посвящена анализу повести В. И. Белова. Данный анализ позволяет выявить стиливое своеобразие творчества писателя, и особенно специфику взаимодействия голосов автора и персонажей с точки зрения повествовательных форм, используемых писателем в произведении.

Ключевые слова: В. И. Белов, повесть, типы повествования, автор, персонаж.

A. Yu. Vlasova

INTERACTION OF THE AUTHOR'S AND CHARACTERS' VOICES IN THE STORY "HABITUAL DEAL" BY V. BELOV

The story by V. Belov is analysed in the article. This analysis reveals the stylistic originality of the writer and especially the specificity of the interaction between the author's and characters' voices in terms of narrative forms, used by the writer in the novel.

Key words: V. Belov, story, types of narration, author, character.

Повесть «Привычное дело», написанная в 1966 г., стала одним из ключевых произведений в творчестве В. И. Белова. Ю. Селезнев в своей монографии отмечал: «Ни одно произведение Василия Белова не вызывало столько откликов и споров, как повесть "Привычное дело", ни об одном из героев литературы последнего десятилетия не высказывалось столько разноречивых мнений, как об Иване Африкановиче Дрынове...» [7, с. 51].

Критика широко отмечала художественные достоинства и актуальность повести. Ю. А. Дворяшин справедливо считает, что: «В. Белов – художник, трепетно откликающийся на явления современной жизни» [3, с. 105]. Помимо этого, популярность повести вызвана не только ее проблематикой, поэтикой, образами. В основе произведения В. И. Белова лежит народная речь. Ее характером определяются не только колорит и своеобразие

диалогов и всех форм авторской речи, но и особенности сюжета, пейзажных зарисовок, образов персонажей и пр. Народная речь у Белова многогранна, сложна в воплощении. Одной из центральных ее форм является взаимодействие голоса автора и голосов персонажей. В. Кожин в статье «Голос автора и голос персонажей. "Привычное дело" Василия Белова» писал: «...сплетаясь, пересекаясь, контрастируя, эти "голоса" создают сложную ткань художественного повествования, определяют ее выразительность и смысловое богатство» [4, с. 66].

Объективная манера повествования в «Привычном деле» предполагает отсутствие непосредственного образа автора, но широта охвата, расширение многообразия мира, появление новых картин и персонажей в данном жанре предполагают щедрое использование народной речи и присутствие авторского голоса или его интонации.

Речь народа: монологи, диалоги, разговоры героя с самим собой – составляет плоть повествования. Уже первая глава повести раскрывает перед нами немного комичную, пьяную

© ВЛАСОВА Анна Юрьевна – аспирант кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета. E-mail: Anutav_86@mail.ru

беседу героя со своей лошадью. Речь Ивана Африкановича наполнена грубыми словами, просторечием, поговорками, междометиями, поток его слов прерывается фрагментами песен, например: «Нам недолго погулять, а только до девятого. Оставайся, дорогая, наживай богатого...» [1, с. 125]. Она обладает яркостью, живой звучностью. В. И. Белов уже с самого начала вводит читателя в гармоничную, богатую речевую стихию, которая сохранится на протяжении всей повести. Кажется, голос автора отсутствует здесь, так как глава полностью построена на речи персонажа. Но это не так. Подчеркивая главные черты характера русского человека, его «обаяние и личную самобытность» [3, с. 113], Ю. А. Дворяшин отмечает: «Автор, кажется, намеренно представляет своего героя в ситуациях, в которых он является в явно “сниженном” виде» [3, с. 113]. Ведь вместо *прямого хода* (*название главы*) — (Выделения в тексте наши. — В. А.), Иван Африканович и мерин Пармен идут по кругу, возвращаясь в ту деревню, из которой они изначально вышли. Тем самым ситуация становится комичной, и сама глава вызывает у читателя улыбку. Голос автора еще не выражен здесь столь отчетливо, но явно преобладает в построении всей главы.

В следующих главах авторское слово проявляется более ярко и отчетливо, заметно выделяется на фоне несколько грубоватой речи деревенского жителя. Еще В. Кожин, отмечая эти факты, писал: «<...> герои Белова с самого начала говорят в последовательно выдержанном стиле просторечия, слово повествователя выступает отчетливо и определенно <...>» [4, с. 75]. Прежде всего это проявляется в изображении обстановки, событий, действий героев. Например: «Кончилось небольшое поле. До Сосновки, где была половина дороги, оставался еще небольшой лесок, встретивший подводу колдовской тишиной...» [1, с. 128]. В таких фрагментах повести голос повествователя растворен в тексте, перед нами объективное повествование. Но при более подробном исследовании, помимо речевого контраста автора и героев, можно выделить субъектные маркеры. И тогда в повести Белова перед читателем уже раскрывается богатое собственно-автор-

ское повествование, где можно смело выделить авторскую оценку всего происходящего. Из предыдущего примера можно выделить фразу «колдовская тишина». Эта часть выделяется не только интонационно, но и несет в себе смысловую нагрузку, ведь именно «колдовская тишина» вводит в глубокое молчаливое равнодушие главного героя повести. Такое «небытие» [1, с. 129] продолжается, пока Иван Африканович не встречает своего друга Мишку. Таким образом, при помощи субъектных маркеров автор здесь проявляет себя, обнаруживает свое личностное начало.

Собственно-авторское повествование прослеживается на протяжении всей повести. Но больше всего оно ощутимо именно в первых главах, где автор вводит героев, знакомит их с читателем. Взаимодействие голосов здесь несколько стерто. Между ними существуют некоторые точки соприкосновения, но они достаточно слабо выражены. В. Кожин по этому поводу писал: «Эти два еще, в сущности, совсем отдельных плана в дальнейшем вступят в сложное взаимодействие, в котором и воплотится глубокое движение художественного смысла...» [4, с. 76].

Все меняется в главке «Детки». Манера повествования здесь значительно меняется. Изображая ребенка, автор максимально вбирает в свой рассказ его «голос», ибо, как справедливо заметил В. Кожин: «<...> чтобы изобразить ребенка, необходимо говорить за него» [4, с. 76]. Здесь уже нет необходимости в использовании простой структуры повествования, которая была в первой части. Например: «Ему было хорошо, этому шестинедельному человеку <...> ему не было дела ни до чего <...>. Не было и тени отвлеченного, нефизического сознания этого “хорошо” <...>. У него еще не было разницы между сном и не сном» [1, с. 144]. Эта глава явилась своего рода ключом к раскрытию нового взаимоотношения голоса автора и голосов персонажей, взаимоотношения более глубокого и полного.

Прежде всего такое взаимодействие голосов начинает проявляться в описаниях природы и душевного состояния героя. В следующей главе «Утро Ивана Африкановича» это выражено наиболее ярко: «Солнцем залило всю речную впадину лесной опояски. Иван Афри-

канович постоял минуту у гумна, полюбовался восходом: “Восходит – каждый день восходит, так все время. Никому не остановить, не осилить”... Снег на солнце сверкал и белел все яростнее, и эта ярость звенела в поющем под ногами насте... Есть только бескрайняя глубина, нет ей конца краю, лучше не думать...» [1, с. 156]. Такое красочное, художественное авторское слово переплетается с чувствами главного героя, с его душевным состоянием, состоянием вечности, цельности бытия. Авторский голос проникает в голос героя, делая Ивана Африкановича не только чувствующим красоту, бесконечность мира, но и способным философски ее осмыслить: «И все добро, все ладно. Ладно, что и родился, ладно, что детей народил. Жись, она и есть жись» [1, с. 156]. Авторский голос здесь словно помогает читателю проникнуть в душу героя. Для этого Белов мастерски использует яркие эпитеты, сравнения, метафоры, а в конце главы вновь отправляет читателя к ощущениям ребенка, сопоставляя их с чувствами главного героя: «...и время остановилось для него. Он ничего не думал, точь-в-точь как тот, кто лежал в люльке и улыбался, для которого еще не существовало разницы между явью и сном» [1, с. 157].

В. И. Белов использует в повести не только собственно-авторское повествование, о котором говорилось выше. Несобственно-прямая речь широко распространена в произведении. Основным свойством такой речи является то, что она ведется от имени автора, но сохраняет «лексические и синтаксические особенности речи говорящего, эмоциональную окраску, характерную для передачи мыслей, чувств и настроений персонажа в прямой речи...» [2, с. 364]. П. И. Приходченко определил в своей работе художественную особенность несобственно-прямой речи: «<...> как сближение и совпадение авторской повествовательной интонации с голосом героя <...> – “перекрещивание речевых линий автора и героя”. Несобственно-прямая речь передает мысли и чувства персонажа, уже осмысленные им, упорядоченные, словесно оформленные» [6; 7].

Таким образом, в «Привычном деле» несобственно-прямая речь не выделяется на фоне авторской, но сохраняет особенности речи говорящего лица. Приведем пример из главы

«Митька действует»: «Ну, Митька! Иван Африканович не мог надивиться на шурина. Пес, не парень, откуда что берется? Приехал гол как сокол, даже и чемодан в дороге упек. Недели не прошло – напоил всю деревню, начальство облаял, Мишку сосватал, корову сеном обеспечил...» [1, с. 199]. Второе предложение – зона речи автора, в остальных предложениях точка зрения автора намеренно совмещается с точкой зрения героя. Таким образом, В. И. Белов дает Ивану Африкановичу полную волю в своих мыслях. Речь героя выделяется своим просторечием, использованием грубых слов, эмоциональной окрашенностью, эмоционально-экспрессивной оценкой: «Ну, Митька!» и пр. Если бы Белов описывал переживания Ивана Африкановича в объективной манере, то это не дало нам полную картину образа главного героя. Такой способ подачи чужой речи позволяет сохранить все нюансы и естественные интонации прямой речи, позволяет охарактеризовать персонажа с точки зрения его индивидуальности, более глубоко понять его нравственные устои и моральные принципы. Из примера видно, как Иван Африканович восхищается проделками шурина. В то же время несобственно-прямая речь не ограничивается от авторской речи (в отличие от речи прямой). Таким образом, Белов дает возможность читателю погрузиться в образ героя, не отрывая его от общего повествования.

Богатство речевого многообразия повести «Привычное дело» не ограничивается использованием форм объективного повествования. В. И. Белов, создавая художественную ткань повествовательной модели своего произведения, сделал ее разнообразной по своей структуре, благодаря чему смог передать взаимодействие огромного количества голосов в разных аспектах. Такая многогранность, такое сложное воплощение речи, голосов автора и персонажей отличают повесть Белова и становятся центром художественной речи его произведения.

В повести, помимо форм повествования от третьего лица, мы встречаем вкрапления разновидностей субъективного повествования, иначе – повествования от первого лица, где рассказчиками выступают сами герои. Например, рассказ Ивана Африкановича о войне

(глава «На бревнах»): «...Дело привычное. Вот девятого февраля в сорок втором высадили нас на Хвойной станции, Северо-Западный фронт. Пошли мы пешком на Волхов, оборону заняли у Чудова, голодные как волки и холодные, кусать было нечего, кроме червивой конины. Кажинной мине в ножки поклонись. Лежим к смерти привыкаем...» [1, с. 177]. Или «Славу мне за переправу благословили, а Красную-то Звезду еще до этого на Мурманском направлении...» [1, с. 178]. Такие вставные фрагменты, где рассказчик повествует о событии, в котором участвовал сам, приближают читателя к герою, мы видим героя без всезнающего автора и воспринимаем информацию как достоверную. Достоверность достигается благодаря названиям, числительным, именам, указанием мест, времени происходящего. К тому же в начале главы Белов дает нам возможность увидеть орден Ивана Африкановича, о котором и идет речь в рассказе героя: «Васька загоняет корову во двор <...> Полосатая замазанная рубашонка выехала спереди, и на ней, на самом Васькином пузе, болтается орден Славы...» [1, с. 171]. Такая достоверность фактов настроена на то, чтобы как можно глубже раскрыть образ героя, подробнее показать и рассказать о его жизни, но в другом качестве – без прямого авторского комментария. Ведь мы видим Ивана Африкановича уже не просто трудолюбивым крестьянином или хорошим семьянином, но он раскрывается как настоящий герой Отечества, как смелый, сильный духом солдат и верный товарищ.

Живой голос персонажа мы можем услышать не только в рассказах главного героя. Например, рассказ Евстоля из главы «Ветрено, так ветрено...», где героиня рассказывает о последних минутах Катерины, о ее похоронах: «У меня, матушка, так сердце и обмерло. Привезли ее на телеге, Катерину-то, да подтрясли, видать дорогой-то <...> а уже сама и говорит еле-елешеньки и белая вся, как полотнышко <...> Ой, матушка, Степановна, подошла я это ко кровати-то, села у изголовья, а она за руку ловит да воздухом-то ухлебывается... “Иван, ветрено, – говорит, ой, Иван, ветрено как!” – да тут и вытянулась, чую, затихла вся...» [1, с. 242]. Объективная

манера повествования для такой ситуации была бы не уместна. Рассказывая о смерти Катерины голосом другого персонажа (в нашем случае матери Катерины Евстоля), Белов дает стороннюю оценку происходящего. При этом сохраняются чувства, эмоции (горе, боль утраты), особенности речи (просторечие, напевность, фразеологизмы, риторические восклицания, вставные конструкции и пр.) этой героини. Читатель словно проникает в ее сознание, видит каждую мелочь, каждую деталь: «А положили-то ее, матушка, в это шерстяное платье... да в боты светлые, а на голову-то косынку, плетеную, кружевную-то, что в девках-то, красное солнышко, ходила...» [1, с. 243]. Рассказ Евстоля – это своеобразные причитания по умершей, о чем свидетельствует интонация, манера, ритм, напевность, вставные молитвенные фразы («Ой, господи, царица небесная!»). Таким образом, перед нами уже не просто сказ, а жанр устного народного творчества – плач, который вводится Беловым сознательно. Читатель не может остаться равнодушным, не может не прочувствовать трагедии, произошедшей в семье главного героя. Об использовании таких вставных жанровых конструкций из устного народного творчества писал Д. С. Лихачев: «Перед нами случай, когда фольклор вторгается в литературу и выхватывает произведение из системы литературных жанров, но все же не вводит его в систему жанров фольклора...» [5, с. 80].

Жанры устного народного творчества вводятся в повесть В. И. Беловым не только для того, чтобы читатель мог сочувствовать, переживать, сострадать героям, но еще и для того, чтобы показать красоту и богатство речевой стихии, своеобразие фольклора. Это нам ярко доказывает главка «Бабкины сказки», где рассказчица (Евстоля) рассказывает сказки о пошехонцах «невеселых мужиках»: «Давно было дело – баба еще девкой была, – не торопясь, тихонько начала бабка Евстоля. – В большой-то деревне, в болотном краю жили невеселые мужики, одно слово – пошехонцы, и все-то у мужиков неладно шло...» [1, с. 148]. Использование Беловым формы сказа приводит к тому, что читатель становится собеседником рассказчицы. Ведь сказ ориентирован на не-

кую беседу, диалог. Здесь сохранена определенная речевая манера, ориентация на устную речь. Белов вкладывает сказовую форму (сказки о пошехонцах) в уста Евстоли не случайно. Ведь сказка один из древнейших жанров устного народного творчества, она не только способна развлечь, потешить слушателей; но она еще может поучать, воспитывать.

Фольклорные элементы мастерски вписываются Беловым в текст повести, с их помощью автор соотносит прошлое со временем, изображенным в романе, что дает произведению ощущение исторического процесса, движения жизни.

Таким образом, авторский голос в повести «Привычное дело» взаимодействует с голосами персонажей на различных уровнях.

Он может отдаляться и описывать лишь действие, давать комментарий, практически не проникая в структуру отношений своих героев, а может вливаться в голоса героев и существовать параллельно, показывая свою точку зрения на окружающую действительность. С помощью такого многогранного взаимодействия голосов автора и персонажей в повести В. И. Белову удалось передать красоту народного языка, богатство речевой стихии, изобразить человеческую душу, показать деревенский уклад жизни, раскрыть свои философские и нравственные принципы. Проникая в богатое, художественное ядро повести, читатель может осмыслить вечные ценности, понять авторскую меру добра и зла, природу человеческих отношений.

Список литературы

1. Белов В. И. Рассказы. Повести. Очерки: в 5 т. М., 1991. Т. 1. 608 с.
2. Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык: учебник. М.: Логос, 2002. 528 с.
3. Дворяшин Ю. А. Традиция М. Шолохова в контексте литературной критики // Шолохов и русская литературная классика второй половины XX века. М.: Фонд «Шолоховская энциклопедия», 2008. С. 40–63.
4. Кожин В. В. Голос автора и голос персонажей. «Привычное дело» Василия Белова // Статьи о современной литературе. М.: Современник, 1982. С. 65–82.
5. Лихачев Д. С. Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы // Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 79–95.
6. Приходченко П. И. Формы выражения авторского сознания в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон»: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Арзамас, 2008. 19 с.
7. Селезнев Ю. Василий Белов: раздумья о творческой судьбе писателя. М.: Советская Россия, 1983. 144 с.

References

1. Belov V. I. Rasskazy. Povesti. Ocherki: v 5 t. M., 1991. T. 1. 608 s.
2. Valgina N. S., Rozental' D. E., Fomina M. I. Sovremennyy russkiy yazyk: uchebnik. M.: Logos, 2002. 528 s.
3. Dvoryashin Yu. A. Traditsiya M. Sholokhova v kontekste literaturnoy kritiki // Sholokhov i russkaya literaturnaya klassika vtoroy poloviny XX veka. M.: Fond «Sholokhovskaya entsiklopediya», 2008. S. 40–63.
4. Kozhinov V. V. Golos avtora i golos personazhey. «Privychnoe delo» Vasiliya Belova // Stat'i o sovremennoy literature. M.: Sovremennik, 1982. S. 65–82.
5. Likhachev D. S. Zarozhdenie i razvitie zhanrov drevnerusskoy literatury // Issledovaniya po drevnerusskoy literature. L., 1986. S. 79–95.
6. Prikhodchenko P. I. Formy vyrazheniya avtorskogo soznaniya v romane M. A. Sholokhova «Tikhiy Don»: avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. Arzamas, 2008. 19 s.
7. Seleznev Yu. Vasiliiy Belov: razdum'ya o tvorcheskoy sud'be pisatelya. M.: Sovetskaya Rossiya, 1983. 144 s.